

12+

Ирина Ярич

Рассказы Старого Кенгуру. Стародавние времена

Ирина Ярич

**Рассказы Старого Кенгуру.
Стародавние времена**

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Ярич И.

Рассказы Старого Кенгуру. Стародавние времена / И. Ярич —
«ЛитРес: Самиздат», 2002

Старый Кенгуру рассказывает соплеменникам о своём рождении и сиротстве, скитаниях и дружбе с хранителем Горы, которая поведала об австралийских мифах. В сборнике Стародавние времена прочитают легенды о возникновении озера Лобнор и песков пустыни Такла-Макан, реки Енисей и гор Тувы, Грома и Радуги: герои коварные и добросердечные, отважные и капризные. Для чтения приглашаются дети и их родители.

Содержание

Рассказы старого Кенгуру	6
Кенгуренок Джим	7
Рождение	7
Сиротство	8
Скитания	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Рисунок для повести «Рассказы Старого Кенгуру» выполнил художник Владимир Петрович Першков. Этот рисунок использован для обложки книги

Рассказы старого Кенгуру

Солнце достигло зенита, жара усилилась. Небольшое стадо серых кенгуру отдыхает в тени старых деревьев. Только семь дубов осталось от некогда большой рощи, посаженной переселенцами более ста лет назад. Их потомки давно переехали в города. А те, кто их сменил рубили, не жалея, дубы на строительство домов и других хозяйственных построек. Безжалостно расстреливали, ставили капканы и ловили петлями кенгуру, которые покушались на их урожай. Но последние два десятилетия кенгуру живут здесь более или менее спокойно, эта территория вошла в состав национального парка.

В густой тени столетнего дуба, около потрескавшегося ствола, сидит старый вожак на задних лапах, опираясь на мощный хвост. Он издаёт тихие звуки, рассказывает свои истории молодому поколению. Маленькие кенгурята выглядывают из сумок своих мамаш, которые разлеглись вокруг вожака и, казалось, дремали. Нет, они слушали, уж в который раз слушали своего мудреца Джими, так ласково называли его самки. Невзирая на полуденную жару, Мудрый Джим всё говорил и говорил, вспоминая своё сиротское детство, наполненную опасностями юность, резвую молодость.

Прислушаемся и мы к рассказу старого Кенгуру.

Кенгуренок Джим

Рождение

– Чем старше я становлюсь, тем отчётливее помню то, что происходило со мной давным-давно, тогда, когда ещё родителей ваших пап и мам не было на свете.

Кенгуру в стаде переглянулись. Папы, мамы, бабушки и дедушки маленьких кенгурят утвердительно кивнули мордами.

– Кто-нибудь из вас помнит, как он родился, как карабкался к спасительной сумки матери, где приобрёл передвижной и тёплый дом на долгие месяцы?

Все кенгуру отрицательно замотали головами.

– А я помню! – сказал победоносно Джим. – Было это так: мне, вдруг стало нехорошо. Что-то изменилось, но что именно и, где я не понимал. По-прежнему мне тепло, но чего-то не хватало. И, наконец, понял. Я хотел есть. Я перебирал лапками, крутил головой и туловищем в разные стороны. И вдруг я стал задыхаться, и от испуга ещё сильнее вертеться. А поворачиваться становилось всё труднее. Словно стенки «мешка», в котором я так спокойно и сытно жил, сжимались вокруг меня. И вдруг последовали толчки. Стенки моего логова выталкивали меня! Я, охваченный смятением, голодный, испуганный, лихорадочно стал искать выход, почему-то я был уверен, что он есть. Я ощутил, что стал не нужным, лишним, что меня кто-то или что-то изгоняет прочь. К страху примешивалась горькая обида, да ещё дышать было почти уже нечем. И тут моя голова протиснулась в какой-то проход, после чего очередной толчок вдавил меня туда полностью. Только у меня мелькнула мысль: «тут меня и раздавят», как следующий толчок продвинул меня по проходу, и голова выскочила из него. Голову обдало прохладой, но дышать теперь я мог, хотя туловище было ещё сдавлено в проходе, оно по инерции двигалось вперёд выталкиваемое следующими толчками, которые становились всё слабее. И вот я весь выполз из узкого прохода в неизвестность, и в этот момент исчезла моя обида и страх. Так я родился, так родились и вы!

Я ощущал всё усиливающийся голод и холод. И, наконец, почуял еле уловимый вкусный запах. Своими крошечными коготками на крохотных лапках я цеплялся за шерсть и полз, полз, извиваясь, как червяк на запахе. Меня вела какая-то неведомая, но могучая сила по определённом пути. Бесконечно длинным казался тот путь, но я упрямо карабкался. Я был тогда крошечным, не больше ореха арахиса и мог поместиться на носу, – Джим указал своей правой передней лапой себе на нос и все посмотрели на его морду, исполосованную шрамами и нос, покрытый седой шерстью. – Впрочем, вы тоже когда-то такими были. И вот я дополз до отверстия в шерсти и свалился туда. И тут же ощутил то же родное тепло, что было прежде, но сухое. Моё голенькое тельце успело изрядно продрогнуть, но здесь холод мне не грозил, густой мех на краю сумки укрывал надёжно. Но я был всё ещё голоден, мой открытый алчущий рот шарил по стенкам этого кожаного мешка и, наконец, наткнулся на выпуклость, из которой капала восхитительно вкусная жидкость. Мой рот обхватил сосок, который распух у меня во рту и выскочить из него уже не мог. Как только я почувствовал, что накрепко прикрепился и ощутил вкусное молоко, силы покинули меня, и я впал в прежнее блаженное забытье.

Сиротство

Наконец, я очнулся. Оказалось, шестьдесят пять раз день сменил ночь, прежде чем я увидел мир! Всё для меня стало иным. Моя кожа покрылась мягким пушком, ушки заострились и выросли, задние ноги удлинились и окрепли, а передние стали более цепкими. Главное – я видел! Видел белое молоко, сочившееся из сосков, серо-коричневый кожаный мешок, в котором мне было так тепло и уютно. Я потянулся вверх. Сначала мне было страшно, а потом ко мне нагнулась моя мама, ласково лизнула меня и страх исчез. – Джим замолк, уносясь в прошлое, потом вздохнул, и добавил, – самая счастливая пора моей жизни, – потом продолжил. – Наше стадо тогда обитало недалеко от небольшой речки, куда мы частенько ходили на водопой. На её берегах росла сочная трава. А в пяти прыжках моей мамы от берега росли низкие кусты и редкие эвкалиптовые деревья с широко раскинутыми ветвями. Там мои мама и папа по утрам и вечерам копали красноватую землю и лакомились вкусными кореньями. Днём они лежали в тени, а мы малыши бегали и карабкались по нашим родителям. Мать и отец заботились обо мне, кормили сладковато-пряными пахучими корешками, умывали своими шершавыми языками. Мне было хорошо, весело и сытно. Я ещё подросток, окреп, но частенько сидел у матери в сумке, хотя полностью в ней уже не уместился, и не только моя голова торчала почти всегда из сумки, но и одна нога тоже. Я с любопытством разглядывал всё вокруг.

В то лето не выпало дождей, наша речка становилась всё меньше, её уже и рекой назвать то было нельзя, так ручей. Трава уже превратилась в сено, она засыхала на корню. А коренья, которые удавалось выкопать, стали вялыми и невкусными. Наше стадо покинуло родные места и отправилось в ту сторону, откуда ещё бежал по речному руслу тихий ручеек. Тогда впервые я почувствовал тревогу, которая передалась от взрослых. Шли мы долго, питались почти высушенными разными злаками, лебедой и митчелловой травой, добывая подсохшие коренья. И вот вдаль сверкнула голубая поверхность озера. Всё стадо с радостью большими прыжками помчалось к нему. Но нас ждало разочарование, озеро оказалось солёным. В изнеможении мы расположились на его берегу. Там было множество птиц, их оглушительный гомон не помещал моим уставшим родителям заснуть. А я с любопытством наблюдал, как тонконогие ослепительно белые цапли вылавливают рыбу, а пёстрые утки ныряют, почти наполовину скрываясь под водой. Горделиво шагали длинноносые веслоногие бакланы, прятались в зарослях узкоклювые пугливые выпи, у которых шея до того коротка, что казалось голова переходит сразу в туловище с длинными перьями. Красновато-коричневые каравайки из семейства ибисов своими тонкими длинными и загнутыми клювами рылись на мелководье в иле. Но среди разнообразия пернатых, обитавших на озере, меня больше всего привлекли величественные чёрные лебеди, которые, разбившись по парам, галантно любезничали друг с другом, вытянув или изогнув длинные шеи.

А следующим утром, чуть стало светать, мы отправились снова в путь. Много раз совершил свой бег огненный шар по голубой сфере, прежде чем мы достигли менее выжженной земли. На красно-бурой, тёмной почве сохранилась зеленая густая трава, кусты акаций здесь росли гуще и чаще, а эвкалипты – выше и стройнее, их крона давала больше тени. Наконец, мы отдохнули после длительного перехода и подкрепили свои силы. Но не долго пришлось нам здесь оставаться. Зной настиг нас и тут. Вскоре трава уже жёсткая не утоляла нашей жажды, а подсыхающие коренья – голода. И мы снова отправились на поиски еды.

Пройдя через рощу, с горки увидели вдаль ещё совсем зеленое поле, и устремились туда. Но оказалось, что оно загорожено досками и проволокой, так, что ни под них, ни сквозь них не протиснуться. Что оставалось делать голодным кенгуру, когда в одном прыжке от них росла сочная трава. Вы меня правильно поняли, друзья! – И Джим обвёл взглядом своих слушателей. – Конечно, все взрослые кенгуру смогли перепрыгнуть ограду. Ох, какими вкусными и

сладкими оказались клубни! А какой сочной и ароматной – ботва! Но за пиршество пришлось дорого заплатить! Вскоре наши чуткие уши уловили крики и собачий лай. За трапезой мы и не заметили, как углубились в поле, и отошли далеко от ограды. А теперь надо бежать. Я то не понимал, но ощутил тревогу и страх, видя, как, испугались взрослые. Вместо того, чтобы после сытного обеда уставшим кенгуру отдохнуть, они вынуждены, напрягая все силы бежать. Самкам было тяжелее вдвое, так как они несли в своих сумках детёнышей. За нами гнались люди. Тогда я их не рассмотрел, только понял, что это очень опасные существа. Они бежали не сами, а сидели на лошадях, которые могут бежать намного быстрее людей, да ещё и на четырёх ногах. С ними бежали собаки. Нет не дикие собаки Динго. Те естественные наши враги, как волки у зайцев. Но эти собаки служат человеку и ненавидят всех, на кого укажет хозяин. А человек – это самый коварный, самый жестокий зверь! Вот посмотрите, – Джим указал правой лапой на овец, пасущихся на лугу, – видите тех овец, а теперь посмотрите туда, – и Джим кивнул мордой в сторону стада пятнистых коров. – Знайте, что ни одна из этих овец, ни одна из этих коров не доживёт до старости, ни одна из них не умрёт своей смертью. Люди их пасут, оберегают, кормят сочной травой и только для того чтобы их самих съесть! А кожу снять! Есть ли среди зверей подобное создание? Я не знаю, не встречал. А я много поведал на своём веку. Бойтесь человека! И опасно то, что не знаешь от какого человека и что можно ожидать. Некоторые из вас встречали тех людей, которые хотят угостить чем-нибудь вкусным, погладить по мягкой шерстке. И вы уже готовы подставить свою голову под человеческую руку. Но, возможно следующая рука коснётся вас с иной целью, человеку самому захочется полакомиться вкусной кенгуриной! А другая рука захочет погладить ваш мех, но уже не на вас, а на себе, в виде воротника или роскошной меховой отделки к вечернему платью! Бойтесь человека и будьте бдительны! Он потенциальный наш враг. Говорят, собака – друг человека. А мудрецы утверждают: друг нашего врага – наш враг!

Но тогда, когда наше стадо убегало от людей на лошадях и от собак, этого я не знал. Но понимал: происходит что-то страшное, потому что моя мать дрожала не только от усталости, но и от страха. Забор был уже близок, но вдруг раздались оглушительные хлопки и несколько моих тёт и дядей упали жалобно застонав. Мне удалось заметить взгляд, каким обменялись мои родители, в них был ужас. Я слышал тяжкое дыхание моей матери, она очень устала, и прыгала с трудом. И вот уже перед нами спасительный забор. Моя мать остановилась, быстро вынула меня из сумки, ласково лизнула и, буркнув «держишь», швырнула меня через забор. За что я мог держаться, летя один? Как только я очутился в воздухе, опять раздались эти ужасные хлопки и за ними душераздирающие вопли моих родителей. Я упал и зашиб левую заднюю ногу. Но от страха о боли забыл. Надо мной летали наши родственники, это оставшиеся в живых перепрыгивали забор. Все они мчались подальше от этого поля. А я сидел, вжавшись в землю, прячась в выгоревшей траве и ждал, ждал и плакал, плакал и ждал, ждал мать и отца.

Скитания

День сменила ночь, ночь – день и снова повторилось всё дважды, а отца и матери не было. Я подумал, что они тоже перепрыгнули через забор и не заметили меня. Тогда я решил идти на их поиски. Я уже проголодался, а сквозь щели в заборе виднелась манящая сочная трава, но я бы не смог перепрыгнуть через ограду, да и боялся, поэтому преодолевая боль в лапе потихоньку заковылял к роще. Бродил я долго, но, сколько я ни искал, родителей не встретил, и кого-либо из нашего стада тоже. Мне временами становилось очень страшно и одиноко. А вокруг столько неизвестного и пугающего.

Наконец пошел дождь. Но спасительным он оказался не для всех, много насекомых, птенцов и мелких животных унесло ливнем, и они утонули. Я тоже испугался, забился под куст акации, а вокруг хлещет вода, сверху льёт, растрескавшаяся земля от засухи теперь размокла, и по ней бежали потоки, унося сухие листья, стебли, ветки. На одной такой ветке примостились две маленькие сумчатые плоскоголовые мышки кимберли, их полосатые спинки била дрожь от страха и сырости, и они жалобно пищали. Как и я, они беспомощны и одиноки, но я был гораздо больше их и сильнее. Мне их стало жалко, они ведь очень малы. Я выбрался из своего укрытия и ухватил ветку с мышами. Но они не удержались на ней. Одной из них удалось прыгнуть ко мне на лапу, и она быстро взобралась на спину. Другая же упала в воду, и поток её понёс. Я зашлёпал вприпрыжку за ней. Та обессиленная почти вся ушла под воду, высунулся лишь узкий носик и бисеринки-глазки. Мне удалось догнать и подцепить её лапой, она вся уместилась на ней. Обе мышки уцепились за шерсть на моей спине. И тут я услышал: «Иди к нам, лезь сюда». Я осмотрелся: на одном из деревьев сидели красно-бурые кенгуру! О, как я обрадовался, и устремился к ним. Нет, это были не мои родичи, но ведь тоже кенгуру! Но я не умею лазать по деревьям. Мне пытались помочь, они виртуозно владели своим телом, прыгали с ветки на ветку, держась длинными и тонкими хвостами. Я пробовал взобраться, но падал, а потом с трудом всё же вскарабкался на нижнюю ветку. Так на дереве переждал дождь, держась крепко за ветку, хотя признаюсь, было очень неудобно, и я опасался свалиться в воду, пронесившуюся подо мной. Мои мышки перестали дрожать от страха. А кенгуру, с которыми я подружился, не смотря на ливень, спокойно сидели на ветках, и жевали листья и плоды. Это оказались древесные кенгуру валлаби, и были они чуть-чуть побольше меня, но, конечно же, почти вдвое меньше любого из взрослого кенгуру нашего стада. Наше стадо, мать, отец... Где они? Где потерялись? Я долго тосковал по ним, – Джим смолк и снова печально задумался.

Зная коварство и жестокость людей, я всё же не хотел верить, что отец и мать погибли на краю того поля около забора от выстрелов фермеров. Надеялся, что они спаслись, но пути разошлись, и мы потеряли друг друга. Я лгал самому себе, но от этой лжи было немного легче на душе и не так страшен мир вокруг, особенно вездесущий человек.

– Наконец ливень закончился, и я с мышками спустился на землю, тут мне было привычнее, – продолжил Джим свой рассказ. – Когда земля слегка подсохла мышки, поблагодарив меня, побежали строить новые норки, старые – смыло. Я далеко не уходил от валлаби, куда они, туда и я. Они по веткам, а я по земле.

Однажды, когда я дремал в тени большого и высокого дерева, на меня что-то упало, и я в испуге вскочил, готовясь бежать, как увидел маленького серенького смешного зверька с густой мягкой шерстью, с лохматыми ушками и большим тёмным носом. Не долго думая, он обхватил мою ногу и вскарабкался на меня. А сверху надсадно кричали. Я поднял голову и с трудом различил среди густо переплетённых ветвей кроны его мамашу. Коала кричала, звала своего сынишку наверх и просила помочь ему. На зов откликнулись валлаби. Они спустились ко мне, с трудом оторвали вцепившегося в меня древесного медвежонка, и передавая его с ветки на

ветку донесли до неё. Вид счастливой матери, обретшей своё дитя, напомнил о моих родителях и сородичах. И как мне не было хорошо с валлаби, решил отправиться дальше на их поиски.

На следующий день я встал до восхода солнца, основательно подкрепился, распрощался с валлаби и отправился в путь. Первые двое суток прошёл я благополучно, на третий день, во время зноя расположился на отдых в тени деревьев. Сквозь дремоту почувствовал боль в правой передней лапе и правом боку, на котором лежал. Я проснулся окончательно от боли, которая то нарастала, то замирала, то возникала в других местах. Я вскочил, осматриваясь и встряхиваясь. Оказалось, я улегся на тропе гигантских муравьев-быков, которые мстили за посягательства на их территорию. Я сбивал муравьев лапами, катался по земле. Похоже, мне удалось их стряхнуть с себя. Боль начала утихать, но места укусов отекали. Я поспешил уйти оттуда. Уже смеркалось, когда из зарослей мелкого кустарника из незаметной норы выползла короткоклювая ехидна. Она меня не увидела из-за близорукости, свойственной её роду. Но услышала и остановилась, потом, поняв по запаху, что от меня угрозы ждать не стоит, направилась в ту сторону, откуда я спешил удалиться. Да и кого ей бояться с её то иглами. Ехидна смело пришлёпала к гнёздам муравьев и, выставив из сросшихся челюстей-трубочки свой длинный тонкий язычок с липкой слюной стала ждать, когда на него прибегут и налипнут муравьи. «Она за меня с ними рассчитается», – подумал я и прилёг на ночь.

Однажды в редколесье, впрочем, и редколесьем-то назвать трудно. Так несколько раскидистых деревьев и маленьких низких кустиков. Увидел я по земле бегущую тень. Глупый ещё ребенок, я побежал за ней, вздумав поиграть. Но, случайно подняв голову, обнаружил приближающуюся огромную птицу. И тут же вспомнил слова матери: «Бойся большой птицы, падающей сверху, прячься от неё в норы, в воду, туда, куда она не сможет за тобой пробраться». А отец добавлял: «У нас три опасных врага: человек, собака Динго и клинохвостый орёл. Собака и орёл опасны для молодых и слабых. Взрослый и сильный кенгуру с ними ещё может побороться. Но от хитроумного и коварного человека спастись очень трудно». Итак, надо мной парила огромная птица, возможно, это и был клинохвостый орёл. От страха ноги мои подкосились, но я опять вспомнил слова родителей, словно они мне шептали: «Беги! Беги! В беге твоё спасение. Может, убегая, ты найдёшь где спрятаться, а сейчас беги, беги...» И я побежал, что было силы, а тень птицы последовала за мной. Бежал я долго и стал уставать, прыжки мои становились всё ниже и короче. А спрятаться по-прежнему негде. Птица продолжала меня преследовать. И тут вдали что-то сверкнуло, я присмотрелся, то была река. Напрягая остаток сил, устремился к ней. И только приблизился к берегу, как с песчаной отмели взвился рой песчаных мух и облепил мне глаза и морду. Отчаянно мотая головой и отбиваясь лапами от вредоносных мух, я бросился в спасительную воду. Глубоко вздохнув, немало их проглотил и скрылся под водой. Река была мелкой, и я улёгся на её дно, лишь изредка приподнимаясь, высовывал ноздри и дышал. Сквозь воду я видел, как кружили надо мной орёл и мухи, но разочарованные улетели. Почуввав, что опасность миновала, я высунулся из воды, но выходить из реки не стал. Я побрёл по её течению, в воде было прохладно и безопасно, как мне казалось. Шёл я и наблюдал сквозь прозрачную воду за рыбками, снующими среди водорослей. Залюбовавшись на них, я приостановился, совсем успокоился, и даже повеселел. Не знаю, сколько я простоял, как лёгкий всплеск слева привлёк моё внимание. Ил замутил воду, а потом я увидел утконоса, с бурой спинкой и серым животиком. Он своим плоским клювом, покрытым мягкой голой кожей обшаривал дно, взбивая ил. Мне захотелось с ним поиграть, и я попытался схватить его за хвост, тоже плоский. Не знаю, что он подумал, но явно меня не понял, так как лягнул задней лапой. Это был бы пустяк, если бы не ядовитый шип, спрятанный на её внутренней поверхности. Утконос этим шипом поцарапал мою правую переднюю лапу. Боль была невыносимой, вокруг царапины кожа вздулась, отекала и очень болела. Из реки я не вышел, но пошёл осторожней.

Шёл я долго, к ночи увидел сине-серый океан. Я стоял в устье реки, там, где она впадала в море, и его соленая вода смешивалась с речной. Смотрел как замороженный, столько воды я не видел никогда. Лапа моя ещё болела, и я иногда опускал её в прохладную воду. Созерцание красот морских просторов было прервано тем, что слева в воде до меня кто-то дотронулся, проплывая мимо. Я присмотрелся и сквозь взбаламученную воду увидел большущую рыбину с тупой мордой и хитрыми глазами. Она открыла кривой полукруглый рот, похожий на бездонную пасть и направилась прямо на меня! От страха я выскочил из воды почти мгновенно и на берегу успокоился, зная, по рассказам родителей, что здесь акула меня не достанет.

Я побрёл по песчаному пляжу. Пенистые волны лениво ласкали мои лапы. Уже совсем смеркалось, и я расположился на ночлег на берегу, опершись о длинное и бугристое бревно. Но когда я стал, устраиваться поудобнее, бревно шевельнулось и повернулось ко мне одним из своих концов, раскрыв огромную и длинную пасть, усыпанную по краям множеством острых зубов. Я молниеносно вскочил и стремительными прыжками помчался прочь. Я спутал с бревном морского крокодила! Ох-хо-хох. Друзья, гуляя по Австралии будьте бдительны! Я скакал всё дальше и дальше от морского берега, пока усталость не остановила меня, и я заснул.

Много лет я искал своих родителей. На моём пути встречались вараны и змеи, поссумы и летяги, казуары и эмю, и многие другие. Я не раз убегал от диких кабанов и собак Динго, спасался от ядовитых пауков и клещей, натёкался на колючки и шипы рыб. Прошёл густые тропические влажные леса, красные знойные пустыни, редколесные саванны, морские побережья, речные долины и горные тропы, и нигде не нашёл ни своих родителей, ни своё стадо.

Но однажды встретил самку, которая прыгала грациозней остальных. А смотрела так, словно понимала все мои невысказанные желания. Рядом с ней я чувствовал умиротворение, спокойствие и в то же время во мне просыпалась жажда деятельности. Я ощущал, что могу многое совершить и многое мне под силу. Я был желанен. Я был бодр и силен духом и телом. Я прекратил поиски и присоединился к её стаду. Мы вместе бродили и счастливо прожили долгие годы. Прошлым засушливым летом она покинула меня, уйдя в небытие. Немошь старости подбирается ко мне, и я чувствую, что скоро мы с ней соединимся вновь, но уже в ином мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.